

340
№ 9476 CP 66/5

ДОСТОЕВСКІЙ и ПИСЕМСКІЙ,

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Двѣ публичныя лекціи).

Профессора сѣ. Муртинникова.

ОДЕССА.

Типо-литографія Штаба Одесскаго Военнаго Округа.
1894.

Kirpichnikov, Aleksandr Ivanovich

ДОСТОЕВСКІЙ И ПИСЕМСКІЙ,

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Двѣ публичныя лекціи).

Профессора А. Кирпичникова.

ОДЕССА.

Типо-литографія Штаба Одесскаго Военнаго Округа.

1894.

~~PGR 1262~~

~~K5~~

Copy 2

891.78

D720

K615dp.

1894a

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссій-
скаго Университета. Ректоръ И. С. Некрасовъ.

Русская литература во второй половинѣ XIX столѣтія не богата поэтическими талантами, но за то русскій романъ достигъ въ это время такого высокаго развитія, что весь цивилизованный міръ не только заинтересовался имъ, но и преклонился передъ нимъ. Это фактъ общезвѣстный. Между дѣятелями этого романа Достоевскій и Писемскій занимаютъ очень видное мѣсто; они стоятъ почти рядомъ съ Тургеневымъ, Л. Толстымъ и Гончаровымъ; но послѣдніе пишутъ мало, когда и какъ хотятъ; а Достоевскій и Писемскій всю жизнь оставались литературными рабочими, которые должны были думать не о потомствѣ, а объ современникахъ. Оба они литераторы по призванію и по страсти; оба люди съ образованіемъ выше средняго, но безъ особой глубины и послѣдовательности; оба поклонники Пушкина и ученики Гоголя; оба выступаютъ въ передовыхъ изданіяхъ, оба считаются либеральными писателями и оба терпятъ отъ преслѣдованій цензуры; въ началѣ 60-хъ годовъ оба они оказываются въ лагерь консервативномъ и остаются въ немъ до конца своей дѣятельности. Но какъ различенъ этотъ конецъ и какъ различно отношеніе къ нимъ ближайшаго потомства! Смерть Достоевскаго была бѣдствіемъ, которое оплакивала вся Россія; смерть Писемскаго (они оба умерли въ январѣ 1881 г.) едва была замѣчена. Достоевскій превознесенъ и поставленъ рядомъ съ Тургеневымъ и Л. Толстымъ; Писемскій забытъ, униженъ и почти забытъ.

¹⁾ Публичныя лекціи, читанныя въ Одессѣ 14 и 17 Марта 1893 г.

Въ то время, какъ незнаніе крупныхъ произведеній Достоевскаго, которыя читаются тяжело, съ напряженіемъ, почти съ болью, считается позоромъ для образованнаго человѣка, усердное чтеніе Писемскаго, котораго въ концѣ 50-хъ годовъ признавали несравненно болѣе талантливымъ, для молодого человѣка чуть не свѣдѣтельство безнравственности. И такъ смотрятъ на нихъ не только у насъ, но и заграничѣй, гдѣ о міровоззрѣніи Достоевскаго пишутъ цѣлыя книги, а имя Писемскаго извѣстно только немногимъ спеціалистамъ, да и то больше на статьѣ Юліана Шмидта о романѣ «Тысяча душъ».

Разъясненіе причинъ этого явленія, которое, конечно, не можетъ быть случайнымъ, должно дать матеріалъ для разрѣшенія общаго вопроса о томъ, какія особенности писателя, кромѣ таланта, дѣлають его симпатичнымъ для младшихъ современниковъ и вліятельнымъ для ближайшаго потомства.

Я не буду подробно излагать біографіи Писемскаго и Достоевскаго, но не могу не упомянуть о тѣхъ условіяхъ и о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, подъ которыми слагался ихъ характеръ и развивались ихъ взгляды и вкусы.

Начинаю съ Достоевскаго, который раньше выступилъ на литературное поприще.

Фед. Мих. Достоевскій род. 30 октября 1821 г. въ Москвѣ, въ зданіи марыинской больницы, гдѣ отецъ его служилъ штаб-лѣкаремъ; мать его, урожденная Нечаева, происходила изъ московскаго купечества, изъ семьи, очевидно, интеллигентной, судя по ея связямъ съ средой профессорской. Семья Достоевскаго была многочисленная (всѣхъ дѣтей было семеро; Федоръ былъ вторымъ сыномъ, а старшимъ Михаилъ, тоже не безъизвѣстный литераторъ), а средства не большія. Жизнь въ семьѣ шла необыкновенно правильно, точно заведенные часы; удовольствія и гости составляли большую рѣдкость. Въ маленькой казенной квартирѣ дѣти проводили большую часть времени на глазахъ у родителей и рано начали учиться, конечно, съ русской азбуки, которой обучала ихъ сама мать. Затѣмъ къ старшимъ мальчикамъ ходили два учителя: «отецъ дьяконъ» для преподаванія закона божія и М-г Сушардъ (впослѣдствіи Драшусовъ) для французскаго языка. Отецъ, придававшій большое значеніе образованію, пользовался всякимъ случаемъ, даже лѣтней прогулкой, чтобы сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія; но какъ

воспитатель, онъ былъ слишкомъ суровъ и требователенъ; хотя онъ никогда не билъ дѣтей, но сыновья боялись его какъ огня, не смѣли при немъ рѣзвиться и шалить; а когда онъ началъ учить ихъ латинской грамматикѣ, они во время длиннаго урока стояли передъ нимъ на вытяжку. Онъ часто повторялъ дѣтямъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти сами себя должны пробивать дорогу, что они послѣ смерти его останутся нищими и т. д. Угрюмость отца и подобныя рѣчи не могли не придавать семейной жизни Достоевскихъ оттѣнокъ нѣкоторой мрачности и неприглядности.

Федоръ Достоевскій былъ ребенокъ очень живой, впечатлительный и способный, первый выдумщикъ въ дѣтскихъ играхъ и шалостяхъ. Онъ, конечно, и учился хорошо и рано началъ читать, тѣмъ болѣе, что въ семействѣ были въ обычаѣ вечернія чтенія. Ему было около 11 лѣтъ, когда его родители приобрѣли въ Тульской губ. небольшое имѣніе, гдѣ стали проводить лѣтніе мѣсяцы. До тѣхъ поръ Федоръ, какъ и братья его, зналъ изъ «природы» только больничный садъ да Марьяну рошу, но о «народѣ» они уже имѣли нѣкоторое понятіе черезъ няню, а особенно черезъ деревенскихъ кормилицъ, которыя рассказывали имъ страшныя сказки. Домъ въ деревнѣ былъ маленькій, и мальчики все время проводили на воздухѣ и въ полѣ, часто среди крестьянъ. Это было лучшее время для Федора Достоевскаго, но оно пролетало слишкомъ скоро. Зимой въ этомъ же году началось болѣе серьезное ученье. Михаилъ и Федоръ сперва поступаютъ въ небольшой подготовительный пансіончикъ, а въ 1834 г. — въ извѣстный въ то время въ Москвѣ пансіонъ Чермана, гдѣ преподавали и нѣкоторые профессора университета. Достоевскіе были тамъ полными пансіонерами и только по субботахъ и на праздники пріѣзжали домой. Въ пансіонѣ братья особенно увлекались уроками преподавателя словесности, а дома — вслѣдствіе «мнительности» родителей, особенно отца¹⁾ они почти не имѣли знакомыхъ и никогда не выходили одни — они все время отдавали чтенію. Ф. Достоевскій перечиталъ не одинъ разъ исторію Карамзина, его повѣсти, Жуковскаго, рядъ романовъ В. Скотта, Загоскина, Лажечникова, Нарѣжнаго, Вельмана,

¹⁾ Біографія и пр. стр. 25.

а Пушкина, что можно было достать, оба брата знали почти все наизусть.

Θ. Достоевскому шелъ 16-й годъ, когда онъ лишился матери; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его, только что оправившагося отъ серьезной горловой болѣзни, и его брата Михаила отецъ отвезъ въ Петербургъ, для отдачи въ казенное учебное заведеніе. Позапавшись нѣсколько мѣсяцевъ въ подготовительномъ пансіонѣ совершенно особаго петербургскаго типа, гдѣ за довольно дорогую плату готовятъ въ точности по программѣ опредѣленнаго высшаго учебнаго заведенія и въ виду конкурса напрягаютъ до нелѣзи всѣ способности учащагося, Θ. Достоевскій въ началѣ 1838 г. былъ принятъ въ инженерное училище, а братъ его, забракованный по слабости здоровья, поѣхалъ доучиваться и служить въ Ревель.

Инженерное училище считалось одной изъ лучшихъ высшихъ школъ того времени: отсутствіе тѣлесныхъ наказаній, сравнительная свобода учащихся, близость къ нимъ начальства, духъ товарищества, не исключавшій впрочемъ безусловной покорности младшихъ передъ старшими, серьезное преподаваніе математики, внесеніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ въ курсъ низшихъ классовъ, все это ставило его высоко среди другихъ военно-учебныхъ заведеній, и масса лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ, вспоминаютъ о школьныхъ годахъ своихъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Но для Достоевскаго трудно было и выдумать условія антипатичнѣй тѣхъ, въ какія онъ былъ тамъ поставленъ: нервный, впечатлительный, болѣзненный юноша онъ не могъ примириться съ военной дисциплиной и математикой; для чертежей, которыми заваливали учениковъ, у него не хватало терпѣнія; къ математикѣ сердце его совсѣмъ не лежало: у него уже совершенно ясно опредѣлились чисто литературныя стремленія. Милость отца совсѣмъ не приучила его къ товариществу, а съ братомъ онъ долженъ былъ разстаться; полуофицерское положеніе будущихъ инженеровъ и состоятельность большинства ихъ, при отсутствіи денегъ, доставляли самолюбивому Достоевскому только унижительное страданіе.

Результаты понятны: 17-лѣтній юноша держится особнякомъ отъ класса, пріобрѣтаетъ репутацію нелюдима, чудака, всецѣло уходитъ въ себя; а всѣмъ пзвѣстно, какво живетъ такимъ пустыннымъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Еслибъ Достоев-

скій былъ послабѣй, его забили бы нравственно; но онъ умелъ и упорей; онъ страшно много работаетъ хоть и не надъ математикой; онъ просиживаетъ съ книжкою ночи на пролетъ въ учебное время и съ нею же проводитъ всякую свободную минуту въ праздникъ и въ лагерь. Онъ скоро становится выше своихъ товарищей на три головы и руководитъ чтеніемъ и занятіями тѣхъ, кто хочетъ заняться литературой (напр. Григоровича) ¹⁾. У него развивается болѣзненное и мучительное для него самого самолюбіе; природная впечатлительность, скрываемаемая отъ окружающихъ, доходитъ до крайней степени, и способность жить здоровой мслодой жзнью падаетъ до минимума.

Вотъ въ какомъ видѣ вступаетъ Достоевскій въ жизнь, произведенный въ 1841 г. въ офицеры; но съ инженернымъ училищемъ и ненавистными ему инженерными наукамъ онъ разстался только чрезъ 2 года, по окончаніи полнаго курса, да и то съ зачисленіемъ въ инженерную команду.

Алексій Теофилактовичъ Писемскій слишкомъ на полтора года старше Достоевскаго; онъ родился 10 марта 1820 года въ деревнѣ отца (Раменье) въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губ. Онъ происходилъ изъ стариннаго, но захудалаго и сильно обдѣлѣвшаго дворянскаго рода; онъ считалъ междъ у своихъ предками и посланниковъ и святыхъ, а дѣдъ его, какъ самъ онъ говоритъ, ходилъ въ лаптяхъ и пахалъ землю. Его отецъ, едва выучившись грамотѣ, поступилъ въ полкъ солдатомъ 14 лѣтъ отъ роду. Прослужилъ чуть не 30 лѣтъ на Кавказѣ, онъ въ чинѣ маіора вздумалъ побывать на родинѣ, и женился тамъ на довольно состоятельной дворянкѣ Шиповой. Это былъ военный служака, «человѣкъ поля, боя и нужды», суровый и требовательный къ себѣ и къ подчиненнымъ. Мать романиста была женщина очень нервная, тонко-умная и, несмотря на недостатокъ образованія, очень общительная. Черезъ нее Писемскій былъ въ родствѣ съ извѣстнымъ масономъ александровскаго времени Ю. Бартеневымъ ²⁾ и съ другими высокообразованными людьми. Когда Писемскій сталъ подростать, у него не было ни братьевъ, ни сестеръ, и его наперерывъ баловали и

¹⁾ См. Воспоминанія Григоровича. Русская Мысль 1892, № 12.

²⁾ Очевидно его изображаетъ онъ въ самомъ талантливомъ и умномъ лицѣ Возболомученааго Моря—Ливановѣ.

родители и двѣ тетки, старыя дѣвицы Шиповы. Учиться ребенка не нудили, и самъ онъ къ наукѣ не чувствовалъ влеченія; никакимъ иностраннымъ языкамъ, кромѣ латинскаго, онъ не обучался; за то перечиталъ массу романовъ безъ всякаго разбора и порядка. 14 лѣтъ онъ поступилъ во 2-й классъ костромской гимназіи и оказался ученикомъ понятливымъ и сравнительно прилежнымъ. Въ гимназіи начинаютъ раскрываться въ немъ художественныя наклонности, сперва къ театру, а потомъ и къ литературѣ; въ старшихъ классахъ учитель словесности считаетъ его прекраснымъ стилистомъ и, будучи въ 7-мъ классѣ, Писемскій уже посылаетъ свою повѣсть «Чугунное кольцо» въ журналъ (впрочемъ безъ всякаго результата). 20 лѣтъ онъ, насилу уговоривъ отца, поступаетъ въ московскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Итакъ дѣтство и отрочество двухъ романистовъ проходятъ въ условіяхъ нѣсколько сходныхъ, но далеко не тождественныхъ; ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ ни бѣдности, ни большого богатства; и тамъ, и здѣсь любящіе родители; но здѣсь — деревенское приволье, баловство отца, матери и тетокъ, потомъ свой губернскій городъ и необременительныя занятія въ гимназіи; тамъ маленькая казенная квартира и тощій больничный садъ, потомъ пансіонъ и наконецъ закрытое военно-учебное заведеніе въ Петербургѣ. Неученый отецъ Писемскаго думаетъ прежде всего о томъ, чтобы мальчикъ не заучился, только 14 лѣтъ отдаетъ его во 2-й классъ и по окончаніи курса въ гимназіи тянетъ его домой; ученый, требовательный и мыслительный отецъ Достоевскаго стремится набить головы сыновей науками, языками и литературой и развиваетъ въ нихъ нервную напряженность и самолюбіе, а потомъ почти дѣтьми отправляетъ ихъ въ Петербургъ дѣлать карьеру.

Понятно, что Писемскій, привыкшій заниматься, не затрудняя себя, никогда не будетъ надрывать силъ своихъ, но за то никогда не выработаетъ въ себѣ той нервной способности провидѣть глубину явленій жизни и человѣческаго духа, которая одна только и дѣлаетъ великаго поэта. Съ другой стороны болѣзненно-впечатлительному, вѣчно одинокому Достоевскому, трудно будетъ отрѣшиться отъ самого себя и, даже при огромномъ творческомъ талантѣ, отнестись объективно и спокойно къ окружающимъ эго людямъ и ихъ дѣйствіямъ. Одинъ лучше будетъ понимать здравого, нормальнаго и притомъ, такъ сказать, внѣшняго чело-

вѣка, живущаго по разуму, другой будетъ анализировать чловѣка внутренняго, полнаго противорѣчій и болѣзненныхъ колебаній настроенія и чувства.

Конечно, въ послѣдующей жизни двухъ писателей могли явиться условія, способныя видоизмѣнить эти, такъ сказать, предварительныя данныя: Писемскій могъ бы въ университетѣ увлечься наукой и зарыться въ книги и мысли; Достоевскій, по выходѣ въ офицеры, могъ попасть въ кружокъ умныхъ и добрыхъ, и въ тоже время простыхъ и веселыхъ пріятелей и увлечься ихъ здоровой жизнью. Но ничего подобнаго не случилось.

Писемскій поступаетъ не на филологическій факультетъ, какъ можно бы ожидать по его литературнымъ наклонностямъ, а на физико-математическій; занимается онъ не усленно, живетъ въ свое студенческое удовольствіе и получаетъ среди товарищей извѣстность, какъ хорошій актеръ и чтецъ Гоголя. Окончивъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ уѣзжаетъ въ родную Костромскую губернію на службу.

Въ 1841 г. Достоевскій произведенъ въ офицеры, но остается въ училищѣ для дальнѣйшаго прохожденія наукъ. Онъ и въ офицерскихъ классахъ училища и потомъ на службѣ въ канцеляріи продолжаетъ свою отшельническую жизнь. Живетъ онъ безрасчетнымъ «чужакомъ» и быстро попадаетъ въ денежныя затрудненія. Его антипатія къ «чертежничеству» только усиливается отъ времени. Исполняя «съ отвращеніемъ» обязательную работу, онъ страшно много работаетъ для себя, для своего литературнаго образованія, можно сказать, изводитъ себя надъ чтеніемъ и надъ попытками творчества.

Самый важный пунктъ въ біографіи писателя и неизбѣжный вопросъ въ его историко-литературной оцѣнкѣ — это его юношеское чтеніе: что читалъ онъ и какъ читалъ?

Писемскій говоритъ о себѣ, что онъ въ университетѣ «познакомился съ Шекспиромъ, Шпллеромъ, Гете, Корнелемъ, Расиномъ, Руссо, Вольтеромъ, Гюго и Ж. Зандомъ и сознательно оцѣнилъ русскую литературу».

Курсъ, какъ видите, не малый, и подборъ хорошій, но вопросъ въ томъ, какъ это все усвоено. Полный жизни и съ недурными средствами студентъ начала 40-хъ годовъ и надъ чтеніемъ, очевидно, не убивалъ себя, какъ не убивалъ надъ наукой. Классиковъ, Гюго съ Ж. Сандомъ онъ читалъ, конечно,

съ пониманіемъ, но въ переводахъ; слѣдилъ, какъ и все боіе развитые товарищи его, за немногочисленными въ то время русскими журналами, но и только; чтеніе было для него образовательнымъ средствомъ, удовольствіемъ, но не жизнью. И все это послѣ 20 лѣтъ, когда формировка ума и опредѣленіе наклонностей у многихъ уже закончены.

Не то съ Достоевскимъ. Изъ его писемъ къ брату видно, что уже въ 17 лѣтъ этотъ инженерный кондукторъ весь ушелъ въ литературу даже до нѣкотораго извращенія мыслей и языка ¹⁾. Вотъ напр., что прочитано имъ въ короткія лѣтнія ваканціи до 9 августа: «Весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Котъ Муръ), почти весь Бальзакъ, Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, исторія Полеваго, Уголино, Ундина, В. Гюго кромѣ Крошвеля и Эрнани» (стр. 9). А главное: какъ это все прочитано: не для наполненія празднаго времени — едва ли его и было много при обязательныхъ лагерныхъ занятіяхъ —, а для душевнаго питанія, для «восторга» ²⁾ и для непосредственнаго воздѣйствія на душу впечатлительнаго до болѣзненности юноши ³⁾.

Я обращаю ваше вниманіе на глубоко-знаменательное соединеніе двухъ такихъ противоположностей, какъ чистокровный романтикъ и фантастъ Гофманъ и крайній реалистъ Бальзакъ. Къ этимъ двумъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще третье женское — Жоржъ Санда, романами которой Достоевскій зачитывался около того же времени. Чрезъ много, много лѣтъ вспоминаетъ онъ, что послѣ чтенія Ускока онъ провелъ всю ночь въ лихорадкѣ ⁴⁾. Его

¹⁾ См. Письма отъ 9 авг. 1838 (Биогр. и пр. стр. 7—8) и отъ 31 окт. (стр. 9—11). Восторженность чувствъ и ихъ выраженіе въ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ письмахъ напоминаютъ знаменитый Tugendbund 1772 г. и письма Фосса.

²⁾ «Бальзакъ великъ! восклицаетъ Д—ій. Его характеры—произведенія ума вселенной! Но духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореньемъ своимъ такую развязку въ умъ человѣка».

³⁾ «У меня есть прожектъ, пишетъ онъ въ припискѣ:—сдѣлаться сумасшедшимъ. Если ты читалъ всего Гофмана, то навѣрно помнишь характеръ Альбина. Какъ онъ тебѣ нравится? Ужасно видѣть человѣка, у котораго во власти непостижимое, человѣка, который не знаетъ, что дѣлать ему, играетъ игрушкой, которая есть Богъ»!

⁴⁾ Дневн. Писателя. Май 1876 по изд. 1892 г. XI, 187.

поражала въ ней «цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго сдержаннаго тона разсказа». Онъ считаетъ ее «женщиной почти небывалой по силѣ ума и таланта» и восхищается ею за то, что она «проповѣдуетъ красоту въ милосердіи, терпѣніи и справедливости», за то, что она предчувствуетъ болѣе счастливое будущее человѣчества.

Ко времени выхода изъ училища, Достоевскій замѣчательно начитанный юноша. Онъ не «познакомился съ Шиллеромъ», какъ Писемскій; онъ «вызубрилъ Шиллера, бредилъ имъ»¹⁾; онъ знаетъ сонеты Шекспира; Шатобрианъ, даже Низаръ для него свои люди. Стихи Пушкина не сходятъ съ языка его; онъ цитируетъ наизусть не только Гоголя и Грибоедова, но и Расина съ Корнелемъ, которыхъ онъ сравниваетъ съ Гомеромъ, а Гомера называетъ «человѣкомъ, воплощеннымъ Богомъ и къ намъ ниспосланнымъ»; онъ не только воспринимаетъ въ себя—и не могу сказать: читаетъ—всѣ художественныя произведенія, какія только можетъ достать на 3-хъ языкахъ, но интересуется и ихъ авторами, и критикой, и исторіей литературы и всеми вспомогательными къ ней науками. Самъ писать онъ началъ еще въ училищѣ, когда чувствовалъ «взрывы вдохновенія»²⁾; положимъ, кто въ 17 лѣтъ не сочинялъ стиховъ и не задумывалъ драмы? но Достоевскій, и выйдя въ офицеры, когда передъ нимъ открылись всѣ прелести петербургской жизни, бредитъ одной литературой. Голова его переполнена планами изданій своихъ и чужихъ переводовъ; ему мечтаетъ онъ уплатить свои долги и даже нажитья; онъ и любимаго брата убѣждаетъ поддерживать увеличивающуюся семью литературными трудами..... Можно думать, что на сцену русской литературы выходитъ какой то литературный промышленникъ. Но, читая его расчеты относительно цѣнности бумаги, печати, обертки, всякій чувствуетъ, что Достоевскій самъ себя обманываетъ: дѣло совсѣмъ не въ деньгахъ, а въ страстномъ, непобѣдимомъ влеченіи къ литературной дѣятельности.

Осенью 1844 г. Ф. Достоевскій подаетъ въ отставку. Почему? Потому, что «служба отнимаетъ у него лучшее время даромъ»³⁾, потому что его хотятъ командировать, а онъ про-

¹⁾ Письма стр. 15.

²⁾ Ibid. 11.

³⁾ Письмо отъ 30 сентября стр. 30.

падетъ вдалекъ отъ Петербурга, какъ отъ литературнаго центра. Чѣмъ будетъ жить онъ? Конечно, литературнымъ трудомъ; онъ будетъ «адски работать». Покамѣстъ онъ зарабатывалъ только по 25 рубл. асс. за печатный листъ перевода изъ Ж. Санда ¹⁾, но теперь онъ переписалъ свою первую повѣсть и уже сравниваетъ себя съ Пушкиннымъ и Гоголемъ, мечтаетъ о ихъ монументахъ и для себя, и такъ же, какъ они, желаетъ «крѣпиться и не писать на заказъ» ²⁾. Онъ жалѣетъ, что будетъ принужденъ отдать свое первое произведеніе въ Отеч. Зап. «разумѣется, за безцѣнокъ», но утѣшаетъ себя тѣмъ, что его прочтутъ по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ, и что чрезъ мѣсяцъ онъ выпуститъ его отдѣльной книжкой, и ее купятъ всѣ, кто покупаетъ романы ³⁾. Во всякомъ другомъ случаѣ такое самомиѣніе 23 лѣтняго юноши было бы наивно и смѣшно, но здѣсь насмѣшливая улыбка невольно застынетъ на губахъ у всякаго: вѣдь эта повѣсть «Бѣдные люди». Какъ ни избить рассказъ о первомъ появленіи «Бѣдныхъ людей» въ кружкѣ Бѣлинскаго, я не могу не повторить его въ двухъ словахъ. Я убѣжденъ, что онъ будетъ повторяться и чрезъ 100 лѣтъ во всѣхъ курсахъ исторіи литературы, какъ вышнее выраженіе вступленія ея на новый путь ⁴⁾.

Въ маѣ 1845 г. Достоевскій отдалъ свою повѣсть не въ Отеч. Зап., какъ предполагалъ прежде, а, по указанію своего товарища по училищу Д. В. Григоровича, который тогда только выступалъ на литературное поприще, поэту Некрасову, собиравшемуся печатать сборникъ. Вечеромъ въ этотъ день Достоевскій былъ у кого то изъ товарищей и за чтеніемъ Мертвыхъ Душъ засидѣлся до

¹⁾ стр. 29.

²⁾ стр. 33.

³⁾ стр. 35.

⁴⁾ Рассказъ Д. В. Григоровича (Русская Мысль 1883 № 1 стр. 10—11) въ частностяхъ противорѣчитъ рассказу Д—аго (Дневн. Пис. 1877. № 1 ср. Восп. Панаева 404 и слѣд.): Григоровичъ, по его словамъ жилъ въ это время съ Д—имъ, а по словамъ Д—аго съ Некрасовымъ; по Григоровичу онъ читалъ «Бѣдныхъ людей» прежде совмѣстнаго чтенія съ Некрасовымъ, по Д—ому нѣтъ; по Д—ому авторъ самъ далъ повѣсть Некрасову, по Григоровичу Д—ій и Некрасовъ никогда не видались до этого ночного визита. Но во всемъ существенномъ обѣ версіи сходятся.

4-го часу утра. Вернувшись домой, онъ не хотѣлъ спать и сѣлъ у окна. Вдругъ раздался сильный звонокъ. Достоевскій отпираетъ; передъ нимъ Григоровичъ и Некрасовъ, которые бросаются обнимать его: они всю ночь читали его повѣсть и рѣшили сейчасъ же подѣлиться съ нимъ восторгомъ. «Чтожъ такое, что спитъ», разсуждали они: «это важнѣе сна».

Въ тотъ же день Некрасовъ отнесъ рукопись Бѣлинскому. «Новый Гоголь явился», закричалъ онъ ему. «У васъ Гоголи то, какъ грибы растутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

Бѣлинскій прочелъ повѣсть всю разомъ, не отрываясь ¹⁾ и немедленно потребовалъ къ себѣ Достоевскаго. Когда Достоевскій пришелъ, Бѣлинскій встрѣтилъ его «серьезно, сдержанно, изъ уваженія къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ излить», но скоро весь воспламенился и закричалъ: «Да вы понимаете ли сами то, что это вы написали? Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, могли это написать, но осмыслили ли вы сами то эту страшную правду, на которую вы намъ указали?.... Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же нашъ даръ, и оставайтесь вѣрны ей, и будете великимъ художникомъ». Это была самая восхитительная минута во всей молодости Достоевскаго. На которѣ онъ вспоминалъ объ ней и укрѣплялся духомъ.

Позднѣ члены того-же литературнаго кружка далеко не съ такимъ восторгомъ говорили о «Бѣдныхъ Людяхъ»; извѣстно, что Бѣлинскій къ послѣдующимъ произведеніямъ Достоевскаго относился совсѣмъ иначе, называлъ ихъ «нервическою чепухой» и даже еще хуже ²⁾ и не только не мечталъ о томъ, что Достоевскій пойдетъ много дальше Гоголя, какъ увѣрялъ онъ въ первые мѣсяцы знакомства ³⁾, но со свойственной ему стремительностью готовъ былъ совсѣмъ разжаловать его изъ крупныхъ писателей.

¹⁾ Но Д—ому въ тотъ-же день; по Панаеву онъ взялся за нее черезъ нѣсколько дней, ложась спать, чтобы прочесть нѣсколько страницъ, но прочиталъ всю ночь. Вѣроятно, Панаевъ смѣшалъ, и бессонную ночь Григоровича и Некрасова перенесъ на Бѣлинскаго.

²⁾ Пыпинъ: Бѣлинскій II, 297. Ср. Тургенева Восп. о Бѣлинск. Вѣсти. Евр. 1869, 720—1.

³⁾ Письма стр. 44.